

А.П. Платонов: подробная биография и творчество писателя

Три отличительных свойства творчества А. Платонова в большой степени обусловили настойчивый, не кратковременный интерес к этому имени. Первое — органический гуманизм, личная, сердечная боль за «душевного бедняка»; в этом Платонов — ближайший последователь Пушкина, Гоголя, Достоевского, сострадающих «маленькому человеку». Второе — глубочайшее в отечественной литературе художественно-философское осмысление трагедии русского народа в XX веке. И третье — язык писателя — уникальный стилистический феномен, выразивший самую суть эпохи, своеобразие мышления его героев и взгляды, пристрастия автора.

Андрей Климентов родился 1 сентября 1899 года в Ямской слободе, в одной версте от Воронежа. Род был талантливым и дал стране не только большого писателя, но и его брата, крупного ученого-гидрогеолога. Их дед был шахтером, а отец, Платон Фирсович Климентов, около полувека проработал машинистом поезда, слесарем-ремонтником, был одаренным изобретателем-самоучкой. От него писатель воспринял любовь к технике, по его имени взял в 1920 году новую фамилию. Образ мастерового человека — искреннего, доброго, слушающего «сердце» машины честного труженика — возник в прозе Платонова, несомненно, под влиянием личности отца. Мать, Мария Васильевна, дочь часового мастера, вела домашнее хозяйство: в семье было одиннадцать детей. При постоянной бедности она обладала кротким, незлобивым характером. В черновиках незавершенной повести «Дар жизни» есть запись: «Утрата матери — утрата души; и поиски души всю оставшуюся жизнь». Образы матери и отца станут важнейшими в философии и поэтике писателя.

Сильным впечатлением детства было движение по проходившему рядом с Ямской слободой Задонскому тракту. Отправлялись на заработки «отходники», шли переселенцы, искатели «достоверного» счастья, текли богомольцы, паломники. Много было нищих, «побирающихся кусочками»; тяжесть нищенской сумы за плечами испытал в детстве и будущий писатель. Один из существенных мотивов творчества Платонова — мотив странничества — не только воспринят из русской литературы, в том числе древней, но и подсказан действительностью. Горький опыт детских лет Платонов не забывал никогда, он сохранил в душе родство с обездоленными людьми Ямской слободы и ответственность перед ними.

Семи лет Платонов поступил учиться в церковноприходскую школу; через много лет он напишет о своей первой учительнице: «Я ее никогда не забуду, потому что я через нее узнал, что есть пропетая сердцем сказка про Человека, родимого всякому дыханию, траве и зверю». В конце жизни он с любовью изобразит Аполлинарию Николаевну в прекрасном рассказе «Еще мама» (1947). Два года Платонов проучился в Воронежском городском училище, но закончить его не удалось: в 1914 году ему, старшему сыну, надо было «идти в люди», помогать отцу кормить семью. Позже он признаётся жене: «Я жил и томился, потому что жизнь сразу превратила меня из ребенка во взрослого человека, лишая юности». С 13 лет он начал писать стихи.

Революцию Платонов принимает с безграничной доверчивостью и энтузиазмом. В нем

самом происходит стремительное высвобождение духовной энергии. Учеба в Воронежском политехникуме прервана Гражданской войной: Красной Армии нужен помощник машиниста и военный корреспондент. В 1918—1922 гг. Платонов — одна из самых знаменитых фигур Воронежского края: увлеченный оратор, страстный публицист, сотрудник многих газет и журналов, неутомимый пропагандист науки. Его многогранную деятельность объединяет романтическая мечта: «...вгрызться в землю и перестроить ее. Человечество — художник, а глина для его творчества — вселенная».

В 1922 году выходит собрание стихов А. Платонова «Голубая глубина», в котором были заметны различные поэтические влияния: фольклора, духовных стихов, его земляка А. Кольцова, символистов, С. Есенина, пролетарских поэтов «Кузницы». Но уже проявилось и характерное платоновское начало: лирический герой устремлен к тому, чтобы вернуть «забытых, далеких», его «сердце сжалось болью» за «путь крестный народа немого». На I Всероссийском съезде пролетарских писателей в Москве (1920) на вопрос анкеты, к какому литературному направлению он принадлежит, Платонов ответил: «Имею свое».

По воспоминаниям тех, кто знал его в ту пору, он был «среднего роста и крепкого сложения, с широким русским лицом и пытливыми глазами, в которых словно затаилась какая-то глубокая печаль». Был обычно бледен и чем-то в своем молодом облике напоминал Достоевского. Его запомнили малоразговорчивым, очень совестливым и скромным.

В 1921 году страшная засуха и голод постигли юго-восточные районы страны. Человек молодой, но имеющий уже огромный душевный опыт, Платонов убежден, что «биться с голодом» должны все: «Человечество — одно дыхание, одно живое теплое существо. Больно одному — больно всем. Умирает один — умирают все» (статья «Равенство в страдании»). Он не может больше «заниматься созерцательным делом — литературой» и с головой уходит в практическую работу, сначала — как председатель ЧК по борьбе с засухой, а с 1922 года, после окончания техникума, как губернский мелиоратор и электрификатор. Две могучие стихии — вода и электричество — дают ему надежду на переворот во всем укладе жизни, на преодоление деревенской заброшенности и косности. Неустанно, не щадя себя и помощников, он строит дороги, мосты, дамбы, плотины, электростанции, водоемы, чтобы улучшить жизнь «уездного человечества». Крестьяне нескольких хуторов, видя подвижнический труд Платонова, присвоили своему мелиоративному товариществу его имя.

Техническая, хозяйственная деятельность Платонова была богатым источником сюжетов для его рассказов («Маркун», «Родина электричества», «Песчаная учительница»), научно-фантастической прозы: «Потомки солнца», «Лунная бомба», «Эфирный тракт». Герой трех последних произведений, ученый-одиночка, одержимый некоей великой научной идеей, стремится овладеть природной стихией и совершает грандиозное открытие. Однако существование, полностью подчиненное расчету, делает его несчастным и даже преступным. Открытие не дает радости людям, не сближает их, а смерть остается непобежденной. Рационализм, насилие над природой приводит к утратам, к гибели души. Сердце Платонов называет «божественным», а мысль — «дьяволом». Писатель размышляет о месте науки в жизни, об ответственности ученого, о цене прогресса. В своих

технических утопиях художник подходит к вопросам, волновавшим Ф. Достоевского: о праве «переступить», о «все дозволено». Повесть «Эфирный тракт» (1927) завершает первый этап творчества Платонова.

В 1926 году Наркомат земледелия вызывает мелиоратора Платонова в Москву, но затем направляет в Тамбовскую губернию «на тяжелый прорыв». Местные бюрократы отторгают талантливого человека, делают разумную работу практически невозможной. Платонов испытывает гнетущее одиночество, он тоскует без семьи (жена и маленький сын Платон живут в Москве). Тамбов становится для него символом безысходности, тупика. Но в то же время писателю кажется, что «настоящее искусство, настоящая мысль только и могут рождаться в таком захолустье». Здесь Платонов приступает к работе над исторической повестью и уже через месяц завершает ее, это «Епифанские шлюзы» (1927).

В «Епифанских шлюзах» Платонов начинает исследовать исторический путь России и развитие народного характера. В основу повести положено строительство Волго-Донского канала и шлюзов на реке Воронеж (конец XVII — начало XVIII в.); у героя, английского инженера Бертрана Перри, был реальный прототип. Неудачу строительства автор объясняет тем, что и Петр, и Перри действуют не в согласии с народным мнением и законами природы, а вопреки им, не знают «местных натуральных обстоятельств». В то же время епифанские бабы еще год назад понимали, «что воды мало будет и плавать нельзя», а «мужики не чаяли, когда эта беда минует Епифань». Внутри национальной жизни происходит конфликт силы консервативной (епифанцы) и силы волевой (Петр); но «консервативность оборачивается мудростью». Между народом и природой существует крепкая духовная связь, склад национального бытия определяется пространством, развившим созерцательную часть души. Это особый тип сознания, иная культура, и европейцы с их практическим разумом и принципом выгоды не понимают чуждого им русского народа. Платонов считает ошибкой Петра его чрезмерные надежды на европейский путь и разделяет сомнения Достоевского в пользу для России буржуазной цивилизации. Писателя интересуют не внешние, материальные изменения в жизни, а органические, свободные перемены в национальном характере.

Вслед за «Епифанскими шлюзами» Платонов пишет рассказ «Город Градов», в котором отразились наблюдения за жизнью в Тамбове. В нем высмеивается «порода канцелярских людей», государственных чиновников, именующих себя «заместителями пролетариев». «Город Градов» — начало новой, сатирической линии в творчестве писателя. Если в предыдущих произведениях важным компонентом стиля было философствование, то здесь используется новый инструмент — ирония. Обличение бюрократизма официально допускалось в литературе 20-х годов. К сатирическому изображению быта нередко, как, например, у М. Булгакова, присоединялась фантастика; но у Платонова, кроме этих двух, есть и третий элемент — «болезненное чувство обиды человека, обманутого в своих надеждах».

В 1927 году выходит первый сборник прозы А. Платонова, «Епифанские шлюзы», включивший все написанное до этого времени. Платонов становится профессиональным писателем, постоянно живет в Москве.

Во второй половине 20-х гг. Платонов переживает тяжелый кризис, связанный с

осознанием того, что между идеалами революции и советской реальностью — пропасть, что путь, по которому идет страна, ложный. В творчестве писателя происходят значительные изменения. Ушли в прошлое типы героев, последовательно сменявшие друг друга: богомольный странник; всемогущий пролетарий, разрушитель прежнего и устроитель нового мира; ученый, убивший в себе «теплокровное сердце» и фанатично преданный науке; «государственный человек», силой загоняющий народ в лучшую жизнь. Ушла вера в то, что изменить жизнь можно с помощью разума и воли. Конец 20-х годов — новый этап творчества Платонова. В повестях «Ямская слобода», «Сокровенный человек», «Происхождение мастера» (первая часть «Чевенгура») рождается новый герой — «сокровенный человек». Время, в которое он живет,— революция, войны — болезненное, богооставленное: «Время кругом него стояло, как светопреставление... А надо всем лежал чад смутного отчаяния и терпеливой грусти». Разрушен христианский образ мира, происходит разрыв с прошлым, забвение души (о красноармейцах: «Они были неизвестны самим себе»). Мир лишается высшего смысла, и человек трагически ощущает свою отчужденность от бытия, полное сиротство. Платонов хочет восстановить иерархию вечных и временных ценностей. Его новый герой — простой человек из «обихода революции», «заросший жизнью», «природный дурак» (сравни с Иванушкой-дурачком из народных сказок). Он только обретает достоинство, начинает думать, выражает мысль коряво, но правдиво. Главное в этой личности — душа, активное начало — совесть; разум не отвергается, но его роль ограничена, он соединяется с чувством и практическим опытом, а главное — с любовью к ближнему. Платонов возвращается к христианскому принципу сокровенности человека — в человеке сокрыт драгоценный, тайный, неповторимый мир. В изображении писателя герой остается загадкой.

Фома Пухов из «Сокровенного человека» (1927) — рабочий-железнодорожник, по сути своей — платоновский странник, — не прежний, Божий человек, а новый, совершающий «путешествие» в поисках смысла революции. Личное горе — смерть жены — открывает ему, насколько мелки материальные и социальные цели. Его, как и автора, интересуют первоосновы бытия, он мечтает о преодолении «душевной чужбины», о научном воскрешении мертвых, а революция несет разъединение, смерть. Имя Пухова напоминает о библейском апостоле Фоме — неверующем, сомневавшемся. (В те годы в литературе сложный, противоречивый мир души был свойствен героям из крестьян, интеллигентов; пролетарию были положены «правильные» взгляды, в его психологию не углублялись.) Позже критика назовет Пухова «лишним человеком»; подобных ему героев обвинит в пассивности; а метод Платонова, «апологета нищеты и страдания», объявит реакционным. Критика не увидит, что личная, потаенная тема Платонова — как раз движение к новому обществу, объединенному, однако, не формальным равенством, а душевным родством, братством, материнским началом. «Сокровенный человек» Платонова сберегает в глубине души народный христианский идеал счастья и обнаруживает способность бесконечного жизненного развития. Такой герой генетически восходит к типу русского человека, представленного в житийной литературе, близок «очарованным странникам» Н. Лескова с их запасом внутреннего здоровья, жизнелюбия, внутренней свободы.

В теме революции и Гражданской войны у Платонова — свой аспект: не классовая борьба,

не перевоспитание масс в горниле битв, а судьба культурных и нравственных ценностей. Для более полного понимания идей А. Платонова необходимо иметь в виду философский контекст его творчества. Питательной средой для этого писателя (как и для Маяковского, Хлебникова, Заболоцкого, Пришвина и др.) было учение Николая Федоровича Фёдорова (1829—1903), крупнейшего христианского философа. Энциклопедически образованный человек, Федоров занимал скромную должность библиотекаря в Румянцевском музее в Москве. После его смерти ученики собрали труды ученого и издали под названием «Философия общего дела». Влияние Федорова испытали В. Соловьев и Ф. Достоевский; последний признавался: «...совершенно согласен с этими мыслями. Их я прочел как бы за свои».

Фундаментальную причину несовершенства природы, причину зла в сотворенном мире Н. Федоров видит в смерти. В основе относительного благополучия современного человека — сотни ушедших поколений. Забвение того, что под нами почва, состоящая из праха предков, — аморально. Идея воскрешения предков, восходящая к христианству, является центром философии Федорова, отсюда вытекают все другие его мысли. Все люди смертны, следовательно, они братья, но в мире господствуют небратские, немирные отношения. Только естественная цель — борьба со смертью для реального, физического воскрешения отцов — общее дело (греч. — литургия) — объединит людей. Излишнее упование на Бога в ущерб активности человека кажется философу отступлением от христианства. Задача человечества — перейти к сознательному преобразению природы, воссозданию того ее состояния, в каком она пребывала до грехопадения.

Платонов «ужаснулся» масштабам человечности Федорова; «проект» оказался чрезвычайно близким мироощущению писателя; не удивительно, что все его творчество пронизано идеями «общего дела».

1929 год — год «великого перелома» в экономике и политике — стал трудным для литературы. Насаждаются вульгарно-социологические критерии в оценке произведений: советское — антисоветское, революционное — контрреволюционное; литературе отводится роль орудия партии. Усиление идеологического давления сказывается на отношении к «попутчикам», к писателям ярких творческих индивидуальностей; против многих из них (например, против Е. Замятина, М. Булгакова, Б. Пильняка) идет яростная критическая компания. Уничтожающим нападкам подверглись произведения А. Платонова о социалистическом переустройстве: рассказ «Усомнившийся Макар» (1929), бедняцкая хроника «Впрок» (1931). Последняя вызвала особый гнев И. Сталина, в присутствии членов Политбюро ЦК он приказывает руководителям РАППа В. Сутырину и А. Фадееву написать статью с разоблачением «антисоветского смысла повести „Впрок“». С этого момента в печати Платонова именуют не иначе, как «классовым врагом», «кулацким агентом», «юродивым», а его юмор — «тупым», «животным», «идиотским». Талантливое, честное и саркастическое изображение колхозного строительства называют «клеветой» на «генеральную линию» партии. Платонова перестают печатать; в 1931—1935 гг. он работает инженером-конструктором. Непонимание, неприятие его прозы Платонов тяжело переживает. В записных книжках тех лет находим строки: «Трагедия оттертости, трагедия "отставленного", ненужного... — великая мука».

В то же время эти годы — необычно продуктивный этап в творчестве писателя. Эпоху «великого перелома», политику «сплошной коллективизации» и ее трагические последствия писатель осмысляет в повестях «Котлован» (1930) и «Ювенильное море» (1932), пьесах «Шарманка» (1930) и «14 красных избушек» (1932). В них исторический процесс конца 20-х — начала 30-х годов показан как «истощение почвы», уничтожение национальных корней.

Вторая половина 30-х—40-е гг. — новый этап творчества писателя; он создает новеллы, в которых достигает классической ясности и простоты: «Семен», «Река Потудань», «Фро», «Третий сын». В них Платонов отходит от изображения грандиозных утопических проектов, глобальных переустройств. Меняется и стиль: мы не встретим больше сарказма, гротеска, сложных стилистических гибридов, передающих боль, горечь при описании мира абсурда и катастроф. Но не меняется платоновский идеал, не уходит тоска по вере. Платонов пытается соединить свою «идею жизни» (эволюционного восхождения и преображения) с идеей личного счастья. Если нет гармонии в общественном устройстве, то, может быть, ее удастся достичь в отношениях близких, в любви, семейном творчестве. Герои Платонова мечтают об осуществлении «высшей жизни», но не пренебрегают простым земным делом. В 30-е годы Платонов пишет статьи о русской, советской, новейшей западной литературе. Ближе всего ему Пушкин — идеально гармоничный художник, универсальный гений, в котором воплотилась «светоносная энергия народа», его духовная сила. В статье «Пушкин — наш товарищ» Платонов останавливается на теме величия сердца простого человека, сближающей его творчество с пушкинским. В «Медном всаднике», пишет он, есть два равновеликих героя — Петр и Евгений. Евгений тоже «строитель чудотворный», в нем тоже живет жажда созидания, но «в области, доступной каждому бедняку... в любви к другому человеку»; это «великий этический образ». Пушкин отдает Петру и Евгению «одинаковую поэтическую силу».

Самые светлые, лирико-философские рассказы в конце 20-х—40-е годы А. Платонов посвящает детям — «существам, в которых человечность хранится в нетронutom виде». Ребенок для Платонова — наиболее «полный человек», спаситель вселенной, в свои отношения с миром он вносит добро и красоту.

Детство в рассказах Платонова, независимо от того, как складываются реальные обстоятельства, — «время в жизни, когда невозможно избежать своего счастья» («Семен»). В героях рассказов «Июльская гроза», «Никита», «Цветок на земле», «Еще мама» живет радость бытия, жадное любопытство к внешнему миру, неумная энергия, правдивость; ребенок только «осваивает искусство существования». Он выходит из природы, и «первое его социальное чувство рождается из природного — любовь к матери». Мир дети воспринимают антропоморфично: плетень, клен, пень, червяк, жук, ветер, лопухи — все для них живо, имеет душу и характер, все гиперболизировано, таит в себе добрые (цветок) или злые (железная старуха) силы. В душевном мире детей Платонов наиболее открыто и прямо утверждает близкую ему моральную систему ценностей: уступчивость, миролюбие, душевную мягкость. Чувство беспокойства вызывает у автора ранимость и беззащитность ребенка перед миром взрослых; грубым материальным миром.

На фоне детской советской литературы рассказы Платонова отличались отсутствием

дидактизма и слащавости. Все они по глубине своего смысла значительно шире «детской» темы; в них явственно присутствует философская проблема — противостояние энтропии, неизбежному физическому упадку тела; дети не принимают окончательной потери, смерти, печалются и об умерших близких, и об опавшем листе. Многие исследователи видят в этой группе рассказов («Июльская гроза», «Железная старуха», «Уля») экзистенциальный смысл: столкновение слабого существа с ужасной силой мира, поглощающей жизнь.

С 1938 года Платонов сотрудничает с Издательством детской литературы, в 1939 здесь выходит книга рассказов о детях «Июльская гроза». Он пишет пьесы и сценарии для Центрального детского театра — при жизни они не были поставлены. С 1940-го по 1946 год вышло четыре детских книжки.

В 1938 году арестован и отправлен в лагерь, в Норильск, единственный сын Платонова, школьник пятнадцати лет. Нежность к сыну всегда соединялась у Платонова с тревогой за его судьбу; в 1926 году он пишет жене: «Еще Тотка — настолько дорогой, что страдаешь от одного подозрения его утратить. Слишком любимое и драгоценное мне страшно — я боюсь потерять его».

В начале 1941 года, благодаря содействию М. Шолохова, друга семьи, Платон возвращается из лагеря — поседевший, тяжело больной туберкулезом; в 1943 году он умирает на руках отца.

Глубокой осенью 1941 года Платонов с семьей эвакуирован в Уфу. Он пробыл здесь недолго, но память о Башкирии, ее национальных традициях осталась в творчестве: Платонов пересказал около двух десятков башкирских сказок. В Уфе он встречается с ранеными, прибывшими с фронта, создает первые военные рассказы о народном сопротивлении, здесь выходит его книга «Под небом родины». В начале 1942 года Платонов добился отправки на фронт, и до самого конца войны он — военный корреспондент в действующей армии.

Платонов изображает солдат как тружеников войны; они и на фронте основательны, домовиты, хозяйственны, постепенно обживаются и ведут войну как работу — «экономически и бережливо», и в этом тоже проявляется творчество, крестьянская и рабочая умелость.

Однако внимание автора в военных рассказах останавливается преимущественно не на бытовом материале и не на событийной хронике; его интересует психологическое и философское объяснение той смертельной схватки, в которой он участвует вместе с народом. Писатель видит, что характер русского человека, каким он проявляется в Отечественную войну, — «итог многовековой работы народа». Сражающиеся бойцы — это целостность, объединенная кровным родством и общностью идеалов. Это чьи-то внуки, дети, отцы. Они живут надеждой на встречу с близкими, о них молятся матери. Ушедшие, живущие и еще не бывшие, все они — участники одного жизненного процесса, союза многих поколений (мысль Н. Федорова). В рассказе «Свет жизни» старик Аким объясняет юной Наде смысл существования: «Я помню их, ты запомни меня, а тебя запомнят, кто после тебя родится, те будут неизвестные — еще лучше тебя... Так и будем жить один в другом, как один свет». Речь идет и о свете памяти, который не истребить, который дает смысл бытию и силу народу для сопротивления. Одушевленный, духовно бессмертный

организм народа противостоит пустодушному, неодоушевленному врагу.

За время войны у Платонова вышло четыре книги прозы (первая — «Одухотворенные люди», 1942 г.), ни на страницах газет постоянно печатаются его очерки и рассказы. Однако нужно помнить, что условием публикации, как и в 30-е годы, была всеобъемлющая редакторская правка, которая «искажала своеобразный платоновский стиль и выкорчевывала духовные смыслы».

Далеко не все рассказы Платонова военной поры быстро находили путь к читателю. В сохранившихся рецензиях под сомнение ставятся патриотические чувства автора, усматриваются мистические черты, неприемлемой оказывается мысль о том, что солдат одолевает врага исключительно силой терпения и страдания. У Платонова эти важные элементы жизни дают огромную внутреннюю силу и достоинство. Писатель приближается к пониманию такого русского явления, как подвижничество.

К таким раздумьям предрасполагают не только огромные народные утраты, но и горе личное: смерть сына, гибель тестя в блокадном Ленинграде, увод в плен из оккупированного Воронежа отца, оглохшего и полуслеплого 72-летнего старика. Платонова, как всегда, интересует возможность победы над смертью, преодоление ее. Один из прочных, надежных путей — любовь: «О, если б весь народ полюбил тебя!» — молится мать над могилой дочери в рассказе «Взыскание погибших». «Любовь, смерть и душа, — пишет Платонов жене в 1943 году, — явления совершенно тождественные». И еще, о сыне: «...я так тоскую о холмике земли на армянском кладбище... Я сделал здесь на войне столь важные выводы из его смерти, о которых ты узнаешь позже, и это тебя немного утешит в твоём горе».

В рассказе «Афродита» (1946) Платонов передает герою многие моменты своей биографии и духовных исканий. Он рассказывает, как герой учится «одолевать, срабатывать каменное горе» — утрату любимой жены, Афродиты. Несчастье изменило для него мир — он оказался «более велик во всех направлениях и сразу его нельзя обозреть». И еще он понял, что «в стремлении к счастью для одного себя есть что-то низменное и непрочное; лишь с подвига и исполнения своего долга перед народом... начинается человек».

В 1944 году, под Львовом, Платонов пережил бомбежку и контузию, в его легких образовалась каверна. Но демобилизуется он — в звании майора — только в 1946 году, тяжелобольным.

В августе 1946 года ЦК партии принимает резолюцию о журналах «Звезда» и «Ленинград» — это было сигналом к новым репрессиям в литературе, искусстве, науке. Именно в это время («Новый мир», № 10—11) напечатан рассказ Платонова «Семья Иванова», вызвавший уничтожающую критику: в январе 1947 года в «Литературной газете» появилась статья В. Ермилова «Клеветнический рассказ Платонова». Оценка и не могла быть иной. Платонов в прозе, как и М. Исаковский в поэзии («Враги сожгли родную хату...»), стал первооткрывателем трагического в изображении перехода от войны к миру, и это абсолютно не соответствовало насаждавшемуся мажорному тону воспевания народа-победителя.

В обстановке «ждановщины» статья Ермилова предопределила судьбу других замыслов писателя. Он много работает. Пишет рассказы, киносценарии, в том числе — «Ученик

Лицея», пьесы, но все они отклоняются редакциями. Платонов вновь под запретом. При поддержке Михаила Шолохова выходят две книги сказок: «Башкирские народные сказки» (1947) и «Волшебное кольцо» (1949).

Платонов скончался 5 января 1951 года, на пятьдесят втором году жизни, похоронен на Армянском кладбище в Москве, рядом с могилой сына.

На протяжении шестидесяти лет лучшие, наиболее зрелые и значительные произведения писателя, созданные в конце 20-х — 30-е годы, оставались в рукописях, и представление о нем было не только не полным, но и искаженным. В годы хрущевской оттепели начинается возвращение его творчества к читателю; в 1958 г. выходит первый посмертный сборник рассказов, в 1964-м — повесть «Джан». И только в конце 80-х, когда наступает освобождение от идеологических ограничений и запретов, в печати появляются не издававшиеся ранее «Ювенильное море» (1986), «Котлован» (1987), «Чевенгур», «Шарманка», «14 красных избушек» (все — 1988), «Счастливая Москва» (1991) и другие. Они оказались созвучными периоду ломки общественного сознания, так как давали возможность понять, как шел реальный литературный процесс 20—30-х годов, отвечали гражданской потребности проанализировать и осмыслить прошлое, осознать корни иллюзий, ошибок, преступлений.

Однако на смену интересу к обличительному началу в произведениях писателя приходит изучение его философско-художественной системы. Творчество Платонова осознаётся как выдающееся явление отечественной культуры; писатель занимает заслуженное место среди классиков.

Источник: Русская литература XX века: Пособие для старшеклассников, абитуриентов и студентов / Под ред. Т.Н. Нагайцевой. - СПб.: "Нева", 1998